

Frontier Orientalism in D.A. Milyutin's Descriptions of the North Caucasus in the 1840s

---

Dmitry S. Tkachenko

North Caucasus Federal University. Stavropol, Russia. Email: [tkdmsg\[at\]rambler.ru](mailto:tkdmsg[at]rambler.ru)

Received: 22 January 2023 | Revised: 6 April 2023 | Accepted: 13 April 2023

Abstract

The article delves into the analysis of Orientalist conceptions put forth by the Russian military scholar, D. A. Milyutin, in his narrative about the peoples of the North Caucasus. This study is anchored in “postcolonial critiques”, a lens extensively applied by international researchers to evaluate the actions of European powers in global peripheries. The aim of this research is to introduce the hitherto overlooked unpublished manuscripts of D. A. Milyutin into academic discourse. Specifically, this focuses on his descriptions of Kabarda and Chechnya, which form the foundation for analyzing the scholarly issue discussed.

The paper reveals that, when describing local populations, Russian military scholars actively leaned on Orientalist conceptions. They not only furnished those conceptions with empirical data but also interpreted them in context of the realities faced on the Russo-Caucasian frontier. Assertions that juxtapose Europe with the East, the interplay between the scholarly study of the region and its governance structure, and notions about the inherent stagnation of Eastern societies, as well as the belief in the necessity of external control for the development of Eastern communities, are all echoed in D. A. Milyutin’s works. Concurrently, his rendition of pan-European thoughts introduces a unique “frontier Orientalism”. This perspective captures descriptions of the militarized lifestyle of local residents, their raiding habits along the Line, and provides reasoning for the extended duration of Russian military engagements in the ethnic territories of the Caucasus.

This article is tailored for a diverse range of scholars, as well as anyone with a keen interest in the intellectual history of the Caucasus and the evolution of socio-political thought in the mid-19th century Russian Empire.

Keywords

North Caucasus; Orientalism; Frontier; D.A. Milutin; Kabarda; Chechnya; Intellectual Acquisition; Narrative; Military Statistics; Ethnography Descriptions

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Фронтирный ориентализм в описаниях Д. А. Милютиным Северного Кавказа в 40-е гг. XIX в.

Ткаченко Дмитрий Сергеевич

Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь, Россия.

Email: [tkdmsg\[at\]rambler.ru](mailto:tkdmsg[at]rambler.ru)

Рукопись получена: 22 января 2023 | Пересмотрена: 6 апреля 2023 | Принята: 13 апреля 2023

Аннотация

Статья посвящена анализу ориенталистских концепций, реализованных российским военным исследователем – Д. А. Милютиным в его нарративе, посвященном народам Северного Кавказа. Исследование проведено на основе «постколониальных критик», широко практикуемых зарубежными исследователями при оценке действий европейских держав на окраинах мира. Целью статьи стало введение в научный оборот оставшихся за рамками внимания отечественных научных кругов неопубликованных рукописей Д. А. Милютина, посвященных описаниям Кабарды и Чечни, на основе которых проведен анализ научной проблемы.

В статье показано, что военные российские исследователи при описании местных народов активно использовали ориенталистские концепции, не только наполняя их фактическим материалом, но и интерпретируя применительно к реалиям Российско-Кавказского фронта. Тезисы о противопоставлении Европы и Востока, связи научного изучения региона с организацией его управления, присущей восточным обществам отсталости и стагнации, а также невозможности развития Восточных сообществ без внешнего управления находят свое воплощение в творчестве Д. А. Милютина. Одновременно интерпретация им общеевропейских идей позволяет говорить об особом, фронтирном Ориентализме, который позволял описывать военизированный уклад местных жителей, организацию их набегов на Линию, и даже объяснять продолжительность ведения российских военных операций на этнических территориях Кавказа.

Статья адресована широкому кругу исследователей и всем тем, кто интересуется историей интеллектуального освоения Кавказа, развитием общественно-политических идей в Российской империи середины XIX века.

Ключевые слова

Северный Кавказ; Ориентализм; фронтир; Д. А. Милютин; Кабарда; Чечня; интеллектуальное освоение; нарратив; военная статистика; этнографические описания

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Характеристика научной деятельности и произведений Д. Ф. Милютина в контексте развития идей ориентализма в России XIX в.

В середине XIX в. в рядах российской военной элиты, участвовавшей в военных действиях на Кавказе, появилось понимание необходимости поиска не столько силовых, сколько политических и культурных методов разрешения российско-горского противостояния. Кавказская война приобретала все большие масштабы, в ходе которых расширялись не только военные контакты с горцами на фронтире, но и приобретались новые сведения о противнике, которые следовало обобщить, систематизировать и использовать для проведения имперских мероприятий в регионе. По справедливой оценке О. Джерсилда,

«...представители образованного общества, живущие на фронтире, почувствовали необходимость сделать исторические зарисовки “диких” горцев, с их кинжалами, кровной враждой, радикальными сектами и эпизодами воровства невест, рассматривая их уже как новых субъектов империи» (Jersild, 2002, p. 4).

Изучению связи между процессом получения знаний и распространением колониальной политической власти на неевропейские регионы мира посвящена концепция Ориентализма, предложенная в 1970-е гг. Эдвардом Саидом – американским ученым палестинского происхождения (Саид, 2006). По справедливой оценке Натаниэла Найта, Саид перевернул всю старую модель Ориентализма как Западной науки о Востоке, и теперь невозможно вообще говорить об Ориентализме, не имея в виду весь саидовский контекст колониальных отношений и выстраивания образа «деградировавшего другого» (Knight, 2000, p. 75). При этом о применимости теории Саида к Российской империи до настоящего времени идут споры как среди иностранных (Схиммельпэннинк ван дер Ойе, 2019; Knight, 2000; Tolz, 2005), так и российских исследователей (Бобровников, 2011; Урушадзе, 2015; Резван, 2019). Соглашаясь с мыслью В. О. Бобровникова о том, что история, этнография и востоковедение Российской империи представляют немалые возможности как для истолкования, так и для критики концепции Саида (Бобровников, 2016, с. 54), мы на фактическом материале постараемся проследить общеевропейские ориенталистские мотивы, звучащие в описаниях кавказских народов, составленные в специфических условиях Кавказской войны.

В рамках данного исследования представляется продуктивной идея Доминика Гутмейера о существовании различных интерпретаций общеевропейских ориенталистских идей не только в глобальном, мировом масштабе – в рамках английской, французской, немецкой, российской и др. школ Востоковедения, но и при применении наработок этих школ к разным этническим культурам и цивилизациям, включенным в состав одной империи (Gutmeur, 2017, p. 12-14).

Концепция Ориентализма Э. Саида, вдохновила многих ученых поразмышлять над вопросами сочетания власти и знаний в историческом контексте, что, по словам Д. Гутмейера привело к градации понятия «Восток»: появлению, помимо концепций классического арабского Востока, новых понятий «Европейского Востока», «Вложенного Востока», «Фронтирного Востока» и др. (Gutmeyr, 2017, p, 12). Считая, вслед за А. И. Милером, что российское сознание людей XIX в. четко разделяло на ментальной карте империи различные регионы Востока, Д. Гутмейер предлагает выделить Кавказ в зону формирования особого – «фронтирного ориентализма» (Gutmeyr, 2017, p, 16).

С подобной интерпретацией можно согласиться, так как об отличиях Кавказа от мусульманского Поволжья, Регионов Средней Азии и Дальнего Востока российские исследователи и военные начали говорить еще с первой половины XIX в. Примером могут служить высказывания первого директора Азиатского Музея в Петербурге, Х. Д. Френа, пришедшего к убеждению о необходимости не только отдельного изучения Кавказа, но и разделения сложившихся историко-культурных зон внутри него, на Северный Кавказ и Закавказье (Орбели, 1972, с. 470).

Складывание ориенталистского взгляда российских властей и исследователей XIX в. на народы Закавказья в настоящее время активно изучается (Урушадзе, 2015). Однако применение концепции Ориентализма к описаниям народов Северного Кавказа по-прежнему остается в стороне.

Между тем, даже отношения между властью и знаниями в регионе складывались особым образом. Так, модель конфликтных взаимоотношений, возникавшая между учеными, аккумулирующими знания о Востоке с военными администраторами, облеченными властью, блестяще рассмотренная Н. Найтом на примере анализа взаимоотношений В. В. Григорьева с генералами А. А. Катениным и А. П. Безаком (Knight, 2000, p. 88), часто не находит своего подтверждения на основе Северокавказских материалов.

Здесь, в условиях беспокойного приграничья, удачно названного О. Джерсилдом «Российско-Кавказским фронтиром» (Jersild, 2002, p. 8), часто действовали люди, сочетающие в одном лице носителя власти и ученого, занятого сбором той информации, которая могла помочь выработке эффективного механизма «умиротворения» региона.

Одним из таких талантливых военных исследователей середины XIX в. стал Дмитрий Алексеевич Милютин – будущий военный министр Российской империи, начинавший, как и многие офицеры Генерального штаба Николаевской России, свою военную карьеру со службы в Отдельном кавказском корпусе. Участвуя в военных экспедициях на левом фланге Кавказской линии и работая в ее штабе, Милютин вынес с Кавказа не только личные дневниковые записи, но и обширные сведения о регионе.

В середине 1840-х гг., преподавая в Военной академии Генерального штаба курс военной географии и статистики, он создал по этому предмету ряд

обобщающих работ на основании своих Кавказских материалов (Милютин, 1846; 1848). При этом, в силу своей узкой направленности, курс военной статистики сосредоточивался на вопросах стратегии и тактики ведения военных действий на Кавказе, описывал состояние различных частей укрепленной Кавказской линии и затрагивал вопросы истории распространения русской власти в различных частях края.

Горские народы были представлены в этом контексте слабо. Милютин ограничился только общими рассуждениями о роли географического и природно-климатического факторов в жизни горцев, а также представил подсчет количества вооруженных людей, которых могла выставить та или иная этническая группа. Однако, изучая военное освоение Кавказа, исследователь не мог не задаваться более обширными вопросами истории, этнографии, хозяйства и склада ума горских народов региона, анализу которых он посвятил ряд рукописей. Из них была опубликована только одна работа, посвященная больному для имперских властей вопросу фронтирной жизни – анализу тактики организации горцами набегов на русскую часть Кавказской линии (Милютин, 1919b).

Вместе с тем, личный фонд Д.А. Милютина хранящийся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, содержит большое количество собранных автором материалов, относящихся к вопросам не только военной статистики, но и этнографии и истории народов региона. Они включают в себя так называемые «необработанные материалы»: черновые наброски и выписки к указанной выше статье (НИОР РГБ, 1839), общий географический очерк Кавказа (НИОР РГБ, 1837), выписки из работ античных авторов о народах региона (НИОР РГБ, 1855a; НИОР РГБ, 1855c), а также материалы, касавшиеся истории, этнографии и анализа отношений российского государства с Закубанскими адыгами (НИОР РГБ, 1855b), народами Дагестана и Прикаспия (НИОР РГБ, 1855d), Кабарды (НИОР РГБ, 1830) и Чечни (НИОР РГБ, 1840). Два последних дела представлены в виде литературно обработанных Д. А. Милютиным заметок, вероятно, предназначавшихся для их включения в какое-то обобщенное издание по истории Кавказа, которое автор хотел создать в дополнение к своим курсам Военной статистики (Колосовская, 2017). Эти заметки содержат отсылки к другим, планировавшимся Милютиным, разделам нового издания, к редактированию которого он, судя по примечаниям и правкам изначального текста, возвращался через некоторое время.

Неопубликованные заметки Д. А. Милютина о Кабарде и Чечне дают возможность современному исследователю ознакомиться с ярким фактическим материалом, относящимся к этнополитической истории и культуре народов Российско-Кавказского фронта. Еще больший интерес представляют авторские оценки и комментарии приводимого материала, которые показывают особенности развития в российских политических, военных и научных кругах середины XIX в. идей, почерпнутых из общеевропейского

течения ориентализма, и позволяют проследить особенности одной из его российских версий, формирующейся на беспокойном приграничье.

По справедливому замечанию В. Толз, к середине XIX в. в кругах российских политических и интеллектуальных элит стала доминировать идея о том, что российское правительство в подходах к выработке взаимоотношений с этническими сообществами восточных окраин страны должно копировать политические практики, практикуемые Британией и Францией, с учетом опыта создания объединенных государств в Германии и Италии (Tolz, 2005, p. 127-128). Подобно обществу других европейских держав XIX века, российские военные исследователи в словесных описаниях регионов «визуализировали» свои представления о фронтире с целью легитимизировать жесткие военно-политические мероприятия и «предложить какую-то великую цель или цивилизаторскую миссию как последствие военной экспансии» (Jersild, 2002, p. 5). Ориентализм в этом контексте помогал вписать народы региона в рабочую модель империи.

Согласно концепции Э. Саида, Ориентализм, как система устоявшихся взглядов и клише о народах Востока, сложившаяся в Европе в XVIII в., предполагал определенный стиль мышления, основанный на органическом противопоставлении жителей Европы и Азии. Это представление стало отправной точкой для политических теорий, социальных описаний и политических расчетов в отношении Востока со стороны политиков, администраторов, философов, поэтов и писателей, проникало в массовое сознание европейцев (Саид, 2006, с.9.).

По справедливой оценке Д. Схиммельпэннинка, еще в ходе реформ Петра I, наравне с другими европейскими заимствованиями, на российскую почву был перенесен и научный аппарат, при помощи которого Запад изучал Восток, исходивший из представления Востока как «другого»: загадочного, злобного и опасного «культурного соперника» (Схиммельпэннинк ван дер Ойе, 2019, с. 15). При этом к середине XIX в. набор ориенталистских штампов у франкоговорящей русской элиты, занимавшейся управлением империей, не вызывал сомнений и был очень близок к тем идеям, которые двигали имперскими администраторами в колониальных системах Европейских государств – прежде всего, Франции и Великобритании.

Связь между властью и знаниями в нарративе Милютина

Прежде всего, европейские ориенталисты исходили из представления, что для того, чтобы управлять Востоком, его следует изучить (Jersild, 2002, p. 6). Эту цель как мотив своих кавказских штудий открыто провозглашал и Д. А. Милютин. Так, будучи еще молодым офицером Генштаба, прибывшим для прохождения военной стажировки на Кавказ, он отмечал в дневнике, что все время его пребывания в штабе войск Кавказской Линии, он посвятил

просмотру архивных дел, «чтобы ... сколько возможно изучить сам край. В короткий срок я успел сделать много выписок и заметок, которые впоследствии пригодились мне для разнообразных работ по Кавказу» (Милютин, 1919а, с. 275).

В своих этнографических описаниях горских народов Милютин призывал имперские власти проводить мероприятия с учетом психологии и воззрений тех народов, которыми они собирались управлять.

«Пора бы нам знать, – пишет он, – что горцы считают не только недействительным, но, некоторым образом, позорным следовать слову, данному гяуру, особенно по принуждению. Когда русский отряд приходит в их горы, сжигая и угрожая их имуществу, естественно они считаются в крайности и дают присягу, что им ничего не стоит; они считают это не более, чем миром, а мы называем это покорностью и воображаем, что покорили целый народ» (НИОР РГБ, 1840, л. 35 Об.).

Некомпетентные действия военных властей по приведению к присяге горцев, основанные на явных заблуждениях относительно характера воззрений местных жителей, Милютин называл не просто ошибкой военных администраторов, а «комедией».

«Длинный сверток, на котором сверху по-арабски написано несколько строк (в которых сказано: “именем Аллаха даем обет быть отныне покорными Русскому правительству...”, и т.д.), а потом во всю длину и на другой странице приложены печатки или чернильные пятна от пальцев мнимых народных депутатов покорившегося народа, отправляется с реляцией в Петербург как нерушимое доказательство покорности» (НИОР РГБ, 1840, л. 35 Об.).

Поэтому изучение культуры, быта, моральных качеств и воззрений горских народов, наряду с их военным потенциалом должно было стать, по мнению автора, важным шагом на пути организации управления Кавказом.

В желании изучить регион, чтобы предложить модель управления проживавшими в нем народами, Д. А. Милютин очень напоминал своего британского коллегу – будущего вице-короля Индии, а позднее – Министра иностранных дел (Foreign Secretary) – лорда Дж. Керзона. Последний в молодости сознательно совершил несколько путешествий по восточным владениям Британской империи, с целью «утвердиться в роли главного эксперта по той части Азии. ... Ориентализм в прямой трактовке Саида, в этих работах был предопределен самим фактом, что через изучение Керзон готовился к политической карьере в этих регионах» (Nash, 2016, p. 109).

Ориенталистские подходы в военно-статистических описаниях регионов Северного Кавказа

Прежде всего, европейские авторы, описывая восточные регионы, стремились в своих заметках систематизировать знания о них, «создать некий порядок, свести на нет пугающий хаос, который они воспринимали в чужих

землях, и тем самым провозгласить некую великую правду о себе и своей исторической роли в мире» (Jersild, 2002, p. 5). Этот подход хорошо прослеживается в описаниях Д.А. Милютиным Кавказских земель, которые автор всегда начинал с обширного географического экскурса.

«Под именем Чечни, – начинает он свое военно-статистическое описание региона, – я понимаю всю страну, заключающуюся между Терекком, землей Кумыков, Андийским хребтом, частью Главного хребта, отрогов гор, составляющих границу Осетии от Кабарды. Горная Чечня и плоская представляют как бы две совершенно противоположных страны... И гористая часть сама по себе довольно разнообразна, так что по характеру местности можно разделить Чечню на 4 полосы...» (НИОР РГБ, 1840, лл. 1-10б.).

Аналогичное описание границ и внутреннего деления автор привел и по отношению к землям Кабарды (НИОР РГБ, 1830, лл. 5-7).

Проведя структурную систематизацию территории, Милютин попытался разобраться, как климатические зоны региона оказывают влияние на характер ведения военных действий, организацию системы управления, род занятий, быт и нравы жителей.

«Говоря о каждой части Кавказа, необходимо всякий раз начать с общего замечания, что природа здесь изменяется по мере возвышения гор, так что переход от самого теплого климата, от самой плодородной, богатой страны, к совершенно бесплодным утесам и вечной зиме, большей частью бывает постепенный, нечувствительный» (НИОР РГБ, 1830, л. 10), – пишет он.

Как кадровый военный, Д.А. Милютин прежде всего четко описал природные препятствия, которые встретят войска, ведущие военные действия в регионе: реки, горные хребты, густой лес.

«На плоскости между Сунжей и горами дороги встречаются затруднения только от канав и рек... В Черногории дороги также хороши, хотя во многих местах крутые. Грунт земли везде удобен для разработки дорог; встречается песок, глина, мелкий камень и чернозем. Самые затруднительные дороги – путь в узких ущельях и в переходах рек, там, где они прорезают хребет гор» (НИОР РГБ, 1830, л. 14), – отмечает исследователь.

В географической части своих очерков Д. А. Милютин строго следовал системе, принятой в Академии Генерального штаба – руководству, составленному для офицеров Генштаба в 1833 г. генералом А. И. Нейдгартом (НИОР РГБ, 1833). Тематика разделов из описаний территории Чечни и Кабарды в основном совпадает с тем кругом вопросов, на которые офицер Генерального штаба должен был обратить внимание при составлении описания театра военных действий.

Одновременно автор говорил о трудностях составления всеобъемлющего научного, а не военно-статистического описания предгорной Чечни, выполненного в стиле работ участников Академических экспедиций рубежа XVIII – XIX вв., таких, как С. Г. Гмелин (Гмелин, 1771). Д. А. Милютин подчеркивал, что «для ученого исследования нужно время, средства, а в наше время

никакого углубления в горы не было еще возможно, иначе, как с отрядом, или тайком» (НИОР РГБ, 1830, лл. 10 Об. – 11). Свою задачу исследователь видел в передаче только тех данных, которые имели бы практическую ценность для ведения военных действий в предгорьях. Например, описывая климат, дороги и состояние почвы в Черных горах Чечни, он советует войскам не забыть взять в поход «башмаки с шипами и ремешковые поршни» (НИОР РГБ, 1830, л. 14).

При этом в общем контексте формирующегося фронтирного ориентализма были важны не столько практические знания о возможностях ведения войны в регионе, сколько интеллектуальное освоение территории. Как отмечают исследователи, интеллектуальное освоение окраин мира для европейского ученого, политика, военного или администратора XIX века происходило в форме создания в его воображении четкого «научного» порядка из изначального хаоса, который они воспринимали в чужих землях (Jersild, 2002, p. 5). Многие исследователи проблемы подчеркивают, что новая «визуализация» вещей в европейских научных трактатах являлась «колониальной формой познания», так как приводила к мысли о правильности того имперского порядка, который устанавливался в ходе европейской экспансии на окраины мира (Pratt, 1992, p.30).

Эти мотивы можно проследить и в творчестве Д. А. Милютина. Читая ярко составленное описание региона, любой человек неизбежно проникался мыслью, что эта земля наша, так как мы о ней много знаем. Из-под пера Милютина Чечня выходила не пугающей *terra incognita*, а как вполне узнаваемая и понятная поверхность с известными климатическими зонами равнин, предгорий, черных гор и снеговых вершин.

Кроме того, в работе Милютина была реализован еще один прием, характерный для общеевропейских описаний окраин мира. В ходе них, по точному замечанию М. Пратт, в сознании ученого происходило интеллектуальное изъятие описываемого предмета из его туземного окружения и помещение внутрь конструируемого европейцами нового колониального мира (Pratt, 1992, p.31). На уровне обыденного сознания, через «извлечение видов из своих мест – из экономики и жизненного уклада коренных жителей: их истории и символизма, происходил акт интеллектуального освоения нового пространства поверхности земли европейцами» (Pratt, 1992, p.31), – считает М. Пратт.

Описанное интеллектуальное явление можно увидеть и в работах Д. А. Милютина: все значимые с точки зрения имперского военного предметы в земле чеченцев были вырваны из контекста старых туземных связей – от названий долин, хребтов и рек (НИОР РГБ, 1840, лл. 5-9) до растений и животных (НИОР РГБ, 1840, лл. 10Об. – 13), и из них сконструирован совершенно новый контекст, представлявший собой четкий имперский порядок. В словесно созданном образе Чечни описывались планируемые к разработке дороги (НИОР РГБ, 1840, лл. 14 – 15Об.), войскам давались советы не забыть

в горах о башмаках с шипами (НИОР РГБ, 1840, л. 14), описывались природные преграды (НИОР РГБ, 1840, л. 10). Все это порождало чувство принадлежности описываемой территории не местным жителям, а ведущим экспансию имперским военным.

Особое отношение у Милютина возникало к коренным жителям исследуемой им земли. В подходе автора не прослеживается известный прием европейских колониальных статистических описаний – характеризую землю окраины, сознательно игнорировать информацию о ее туземных жителях, представляя поверхность как «незаселенную», «пустую» и в силу этого годную только для европейской колонизации. Отрыв поверхности земли от ее жителей, метко названный М. Прайт «текстовым апартеидом» (Pratt, 1992, p. 61), был, например, характерен для описаний земель Капской колонии, выполненных в первой половине XIX в. британским военным исследователем-статистом Джоном Барроу (Barrow, 1808).

В отличие от своих западных коллег, Д. А. Милютин уделяет большое внимание чеченцам, используя при этом, однако, устоявшиеся имперские стереотипы и характеристики. Он часто подчеркивает отсталость и экономическую неразвитость местных жителей, конструируя в своих текстах знаменитый ориенталистский образ «отсталого другого».

«Невозможно судить, есть ли в горах Чечни руда, – писал он. – Слухи есть будто здесь серебро, свинец, медь – но все это слухи, тем более что горцы сами не умеют еще пользоваться внутренними богатствами почвы. Они не имеют довольно свинца даже для своих пуль» (НИОР РГБ, 1840, л. 11).

Общеввропейский колониальный штамп о том, что за отсутствием нужных навыков местные жители не могут распорядиться богатствами той земли, на которой они живут (Deary, 2002, p. 11), не вызывал у Милютина сомнения и транслировался им через описание Чечни.

«Несмотря на то, что чеченцы весьма нехорошие хлебопашцы, – продолжает он, – на плоскости сама природа покровительствует земледелию, не требуя от человека слишком больших усилий: множество рек разливается в полноводие при таянии снега в горах, оплодотворяет почву, плоская поверхность земли позволяет без большого труда перекрыть ее канавами во всех направлениях» (НИОР РГБ, 1840, л.12 Об.).

Текст описания природы Чечни подталкивал читателя к мысли, что более трудолюбивый, чем коренные жители, переселенец найдет здесь не только плодородную землю, но и все нужные в хозяйстве ресурсы, включая строевой лес (НИОР РГБ, 1840, л.12), полезные ископаемые (НИОР РГБ, 1840, л. 11) и нефтяные колодцы (НИОР РГБ, 1840, л.11Об.). В регионе, по словам автора, можно даже попытаться организовать курорты на минеральных источниках в Теплицах Св. Петра и Св. Екатерины, описание которых приводится наравне с перечнем других природных богатств Чечни (НИОР РГБ, 1840, л.11Об.).

Милютин подчеркивал, что между слабо известной в обыденном сознании Чечней и Центральной Россией не существует непреодолимых для колонистов препятствий: все представители растительной и животной жизни известны русскому переселенцу (НИОР РГБ, 1840, л.13Об.), на новых территориях можно культивировать традиционные для крестьянского хозяйства культуры: пшеницу, ячмень, просо и кукурузу (НИОР РГБ, 1840, л. 13), а при реализации практических советов военных переселенцы смогут легко передвигаться по предгорьям, используя сеть описанных Милютиным путей сообщений (НИОР РГБ, 1840, лл.14 -15Об.). Дело осталось за малым – «умиротворить» коренных жителей этой перспективной территории, и ответу на вопрос как это сделать, посвящена вторая часть работы.

Ориенталистские подходы к описанию жителей региона

Описание местных жителей – чеченцев и кабардинцев – даны Милютиным в тесном контексте военно-политических вопросов, с которыми сталкивались российские военные в регионе. Вместе с тем весь этнографический материал представлен в общем соответствии с ориенталистскими клише XIX в. По справедливому замечанию А. Т. Урушадзе, «кавказские народы воспринимались сквозь призму европейских категорий и стандартов порядка, устройства, системности, дисциплины» (Урушадзе, 2015, с.119). Этот тезис справедлив не только для Грузии; он прослеживается на примере описаний Д. А. Милютиным Чечни и Кабарды.

Прежде всего, автор проводит четкое противопоставление между «своими» и «другими»: «нами – европейцами» и местными жителями. Например, описывая оценку горцами качества холодного оружия, Д. А. Милютин отмечает, что «в шашках они требуют иного достоинства, чем мы, Европейцы от своих сабель...» (НИОР РГБ, 1840, л. 39 Об.). Характерная черта ориентализма в противопоставлении Европы и жителей Востока (Джераси, 2013, с. 27) в еще более четком виде прослеживается в военно-статистическом описании Кабарды. Так, Милютин отмечает, что среди горцев встречаются «джигиты, которых у нас, в Европе, назовут “les lions”» (НИОР РГБ, 1830, л. 9), помимо низших сословий, в Кабарде есть и благовоспитанные люди, «как у нас, Европейцев» (НИОР РГБ, 1830, л. 10), а часть населения гордится теми чертами характера, которые «у нас, Европейцев, считают пороком» (НИОР РГБ, 1830, л.11).

Исследователи европейского ориентализма отмечают, что на Востоке европейские колониальные авторы часто видели схему так называемого «обратного прогресса»: считали, что если Европа активно развивается, то восточные страны и регионы, наоборот, деградируют или пребывают в том состоянии, которое народы Европы прошли несколько столетий назад (Nash, 2016, p. 113). Этот подход замечен и в работах Д. А. Милютина, который

описывая отношения между князьями и зависимыми в Кабарде, вспоминал «древнее устройство Руси» (НИОР РГБ, 1830, л. 18 Об.), а приводя известные российской администрации народные адаты, отмечал, что при их анализе «нельзя не вспоминать нашей Ярославовой Русской Правды» (НИОР РГБ, 1830, л. 19).

По справедливому замечанию О. Джерсилда, для любого российского администратора или исследователя поездка «по фронтиру в рамках колониального контекста была движением не только в пространстве, но и во времени» (Jersild, 2002, p.9). Это замечание справедливо и по отношению к творчеству Д. А. Милютин. Если в политическом устройстве Кабарды автор «не мог не найти ... во многом сходство со старинным феодальным устройством Западной Европы, а еще более – с устройством России в период уделов» (НИОР РГБ, 1830, л. 17Об.), то Чечня представлялась Милютину аналогом еще более далекого прошлого. По его представлениям, не имевшие аристократии чеченцы пребывали в более патриархальном состоянии, чем создавшие четкую сословно-классовую структуру кабардинцы.

Милютин сравнивал порядки в Чечне с догосударственной вольницей, отмечал, что джигиты «иногда странствуют просто по страсти к романтическим похождениям и к удалству, как бывало рыцари в Средние века» (НИОР РГБ, 1840, л. 36 Об.). В этом автор видел определенную романтику.

«Есть поэзия ... в их кочевой, беспокойной жизни, – писал он. – Какой-нибудь молодец или принужденный по какой-нибудь причине оставить свой аул, опасаясь мщения слишком большого числа врагов, или просто наскучив жизнью, желая опасности и смерти, садится на коня и отправляется искать приключений, опасностей, ссор и крови; он уже не разбирает никого и без всякой причины льет кровь для одного убийства, безо всякой другой побудительной цели. Они делают это не как разбойники, не скрытно, а отличают себя красными башлыками, от которых и дали им самое название – кызыл-баш, то есть красноголовых. Все, издали увидав такого, остерегаются и прячутся» (НИОР РГБ, 1840, л.36Об.).

Сохранение вредных архаичных традиций Милютин считает одним из основных препятствий для «умиротворения» края.

«Для нас, русских, есть еще другие опасности от этих сумасбродных голов, – пишет он. – Часто бывает между ними, что, потеряв на поле битвы против русских какого-нибудь близкого родственника, брата, отца и т.д. удалец дает обет мстить всем русским до тех пор, пока смерть известного числа гяуров не отомстит крови своего родственника. Тогда от него нередко надо беречься всякому проезжающему, несмотря на конвой и все меры осторожности: такой человек не боится уже никаких опасностей и не разбирает ни удобоисполнительности своего замысла, ни несоразмерного числа вооруженных людей, с удивительной дерзостью и решимостью» (НИОР РГБ, 1840, л. 37).

В целом вся Чечня в работе Милютин представляется как крайне неспокойный приграничный регион.

«Чеченцы вечно как будто на военном положении: когда и слуху нет о русском отряде, когда и они со своей стороны не думают о набеге на Линию, и тогда они вообще настороже против врагов внутренних. ... У чеченцев нет безопасности даже от своих одноплеменников, никто не может выйти из дома без оружия. Чеченец даже пашет с ружьем за спиной. Причина тому – разбойничество, которым дышит все в Чечне более или менее. Весь край наполнен абреками, т. е. людьми, которые оставив свою деревню, свое семейство, свой дом, посвящают себя на хищничество, убийство, и целую жизнь бродят по лесам: стерегут добычу или собираются шайками и открыто идут на грабеж. Леса Чечни способствуют им в предприятиях и служат убежищем» (НИОР РГБ, 1840, л. 36).

Приведенное выше утрированное описание жизни людей, находящихся на стадии «военной демократии», скрывало в себе еще один известный ориенталистский штамп – мысль о том, что восточное общество не может самостоятельно выйти из состояния вековой стагнации без внешней европейской колониальной силы (Lubin, 2002, p.393). Этот общеевропейский ориенталистский штамп Милютин применяет к описанию не только чеченцев, но и всех кавказских горцев.

«Племена, населяющие горы кавказские и лесистые их подошвы, – писал он, – по степени своего образования, нравам и обычаям не могут даже постигнуть преимущества мирного, законного порядка, ни выгод материального благосостояния... . Война и удалство до того вкоренились уже в самый быт этих народов, что даже среди племен покорных, нуждающихся в покровительстве и защите России, часто собираются партии удалцов (джигитов) для предприятия нападений» (Милютин, 1848, с. 96).

Выход из сложившейся ситуации он видел в установлении полного контроля России над горскими обществами.

Один из ведущих постулатов ориентализма гласил, что расцвет культуры Восточных народов происходил в далеком прошлом, которое противопоставлялось настоящей отсталости Восточных стран. В ярком виде эта мысль, например, была высказана известным венгерским ориенталистом А. Вамбери, который считал своеобразным символом Востока образ великолепных руин дворцов древних правителей, возвышающихся над грязью убогих хижин современных обитателей известных исторических мест (Вамбери, 1868, с. 5).

Данную концепцию разделял и Д. А. Милютин, используя известный ориенталистский стереотип при описании этнической истории народов Кавказа. Он считал, например, что высший расцвет Кабарды пришелся на первую половину XVIII в., когда «кабардинцы были в высшей своей силе и благосостоянии: они владели всею плоскостью между Терекком и Сунжей до самого Брагунского владения» (НИОР РГБ, 1830, л. 3), создали развитые социальные отношения, имели четкую структуру княжеской власти и развитую правовую систему. Однако эпидемия чумы, вспыхнувшая на рубеже XIX в.,

«...опустошила Кабарду: наибольшая часть населения погибла; даже скот и лошади, составлявшие все достояние и славу кабардинцев, были истреблены,

все пришло в упадок, и теперь народ этот стал подобием одним прежде цветущего, блестящего и славного народа Кабардинского» (НИОР РГБ, 1830, л.3 Об.).

Применение концепции противопоставления прошлого и настоящего к соседней Чечне встретило определенные трудности из-за того, что чеченцы в прошлом не имели ни знати, ни государственных структур, к которым можно бы было апеллировать как к образцу развития и порядка. Даже определение их этнического происхождения встречало, из-за отсутствия точных сведений, затруднение. В связи с этим Милютин пошел иным путем, попытавшись связать развитие естественнонаучных представлений местных жителей с отголосками древнеарабской науки. Он назвал их камешками, «сохранившимися еще от развалин древнего здания Аравийской учености» (НИОР РГБ, 1840б л. 32 Об.). Тезис о связи отдельных горских народов со средневековой Аравийской цивилизацией, имевшей высокие культурные достижения, оказался очень притягательным с позиций концепции ориентализма. Милютин приводил легенды и о связи княжеских фамилий Кабарды с выходцами из Аравии или Египта (НИОР РГБ, 1830, Л. 1 Об.), высказывая, правда, при этом пожелание будущим ученым проверить их достоверность.

Ориенталистская концепция была применена и к описанию Милютиным этнической истории кавказских народов. В курсе военной статистики автор отмечал, что Кавказ – это место смешения пришедших сюда великих цивилизаций и народов древности.

«С Запада действовали греки, македоняне, римляне, империя Византийская и, наконец, турки; с Юга – персы, аравитяне, монголы, и, наконец, персияне. С севера – скифы, авары, готы, хазары, половцы, монголы, наконец – русские. Все эти народы, постепенно занимая ту, или другую часть края, оставляли более или менее следов своего владычества. В ущельях Кавказа сохранились как-бы осадки всех народов, поочередно занимавших подножия гор» (Милютин, 1848, с. 23).

Милютин не брался разбирать вопросы этногенеза конкретных Северокавказских народов, но был твердо уверен, что древние завоеватели быстро растрачивали свой потенциал и деградировали, переходя в «полудикое» состояние «среди природы бесплодной и суровой, нуждаясь в самых необходимых вещах и средствах пропитания» (Милютин, 1848, с. 24). К настоящему же моменту они дошли до того, что стараются быть чуждыми «всякого внешнего влияния гражданственности народов соседственных» (Милютин, 1848, с. 24), то есть России. «Чеченцы не пользуются всеми дарами природы своего края, и предпочитают нищету в праздности, достатку при труде» (НИОР РГБ, 1840, л. 34), – проводил он ту же мысль в своем описании Чечни.

Единственным отголоском древних знаний, который сохранили местные жители, являлась, по словам Милютина, народная медицина.

«Между ними весьма много врачей и ремесло это передается от отца к сыну – есть целые деревни, исключительно населенные врачами. Они очень искусны

в лечении наружных болезней и особенно ран: они употребляют для этого самые простые средства: свежее масло, баранью шкуру и некоторые травы. Употребляемые ими средства сии не известны, и может быть между ними есть действительно некоторые неизвестные нам целительные травы и смеси» (НИОР РГБ, 1840, лл. 32 Об. - 33).

Вместе с тем Милютин подчеркивал, что занятие горцев медициной свидетельствует лишь о слепом следовании древним традициям. Он отмечает, что о настоящей науке

«...азиатский доктор не имеет понятия. Он лечит по известным рецептам, сообщенных ему под тайной от отца или учителей, не понимая свойств средств, употребляемых им внутрь. Иногда он попадает удачно, и больной встает неверно скоро, иногда же отказывается вовсе от таких случаев, где наш Европейский доктор имеет надежду помочь» (НИОР РГБ, 1840, л. 33).

В целом, общая косность жителей не давала развиваться древним знаниям, и, по словам Милютина, «медики эти такие, что и наши деревенские знахари или бабы, которые тоже иногда удовлетворительным и скорым образом могут вылечить то, что служит камнем преткновения для самого ученого нашего доктора» (НИОР РГБ, 1840, л. 33). В целом, обращаясь к описаниям Милютина, можно согласиться с выводом А.Т. Урушадзе, сделанном на основе анализа грузинского материала, что словесный образ местных жителей в имперском нарративе «во многом совпадал с европейским взглядом на “восточного человека”, главной характеристикой которого является полное отсутствие энергии и инициативы» (Урушадзе, 2015, с. 120).

Виновником стагнации Восточных народов и их невосприимчивости к модернизации европейские ориенталисты традиционно считали ислам (Laisram, 2006, p.3). Их аргументацию во многом разделяли и российские исследователи XIX в. Так, Д. А. Милютин оригинально объясняет проникновение ислама в Кабарду бедствиями, связанными с древней эпидемией чумы.

«Чума многое переменяла даже в нравах и обычаях народа. ... Когда бедственный бич начал опустошать страну, муллы начали внушать народу, что он – справедливое наказание, посланное Богом за равнодушие кабардинца к религии. В бедствии народ был слаб, как каждый человек в беде, ... поэтому муллы и кадии сумели внушить кабардинцам все, что им было нужно для утверждения своей веры и влияния. Они устраивали все обряды и постановления мусульманства, заставляли строго выполнять все запрещения и предписания этой религии. Они прошли, по-видимому, по каждому селению, запрещали брить бороду, курить и нюхать табак и прочее, а в постигших бедах винили европейские обычаи и правление» (НИОР РГБ, 1830, л. 4).

Новые обряды в Кабарде, подчеркивает Милютин, вводилось не добровольно, а «по принуждению, например, положением брать штрафы ценою около 5 руб. серебр. с того, кто не приходит в мечеть в праздник Джума» (НИОР РГБ, 1830, л.12Об.).

В Чечне Мусульманская религия, по словам Милютина, также распространялась «не очень давно турецкими выходцами, в одно время, как и в Кабарде, но и досель чеченцы не очень ревностные мусульмане и даже некоторые, как например, карабулаки и ингуши, остались идолопоклонниками» (НИОР РГБ, 1840, л.31). При этом автор постоянно подчеркивает, что ислам на Кавказе представляет собой только внешний налет над более древними традициями и обычаями.

«Если иногда чеченцы, как и другие Кавказские горцы воспламеняются религиозным фанатизмом, то это происходит не собственно от побуждений религиозности, сколько от духа независимости и свободы, который только покрывается религией. Горцы тогда только будут драться за веру, когда вместе с тем защищают они свою свободу; они следуют догмам веры только тогда, когда догмы эти согласны с природной их склонностью и понятиями» (НИОР РГБ, 1840, л. 31), – продолжает он свое описание религиозного состояния Чечни.

Еще более любопытное замечание о непрочности исламских и христианских верований исследователь сделал, описывая кабардинскую знать, перешедшую на российскую службу.

«Я лично знал представителя этой фамилии, теперешнего полковника, князя Бековича-Черкасского, – пишет Милютин. – Как христианин он имеет возможность крещения христианского исповедания; около Кизляра, ранее ходил он в Русскую церковь; но в тоже время в Малой Кабарде, живут подданные его – магометане. Среди них он слышит мусульманином, ходит в мечеть, не снимает шапки и сидит на коврике в молитве Аллаху с полным усердием» (НИОР РГБ, 1830, л. 12).

В целом же горцы, по замечанию Д.А. Милютина строго придерживаются мусульманских религиозных обрядов только на равнине, где «мечетей у них много – почти нет аула без одной или нескольких», но «чем дальше в горы, тем вера магометанская слабее, так же как и у Лезгин» (НИОР РГБ, 1840, л. 32), – делает он общий вывод.

Ориенталистские концепции в описании традиций горцев

Гораздо более прочными, чем предписания религий, пришедших в регион извне, были, по словам Милютина, древние обычаи кавказских горцев. Их описанию автор уделяет большое внимание, прежде всего подчеркивая схожесть традиций всех горских народов.

«Что касается до характера Кабардинцев, то в нем тоже есть много общего с другими соседними племенами, – пишет он, – однако есть и некоторые отличительные черты; например, они особенно, больше других, уважают гостеприимство, любят угощать гостей; весьма уважают родственные связи, следуют свидетельствам, всяким договорам, условиям и клятвам, хотя, разумеется как и у других горцев, – не относительно Русских, которых не считается большим грехом обмануть» (НИОР РГБ, 1830, л. 12).

Д.А. Милютин описывал обычаи гостеприимства, кровной мести и куначества, а также представил очень оригинальное описание древнего обычая аталычества –

«отдавать детей на воспитание так называемым Аталыкам, то есть чужим людям, часто даже совсем иноплеменным, которые берут на себя обещание выучить и воспитать юного приемыша, научить его всему, что нужно для истинного джигита, т.е.: действовать оружием, наездничеству, хищничеству, воровству и всем диким обычаям своим; так что тот знакомится и затем является к отцу только достигнув полного совершеннолетия. Аталык для него делается нравственным отцом, а настоящий – чужим человеком». (НИОР РГБ, 1830, л. 13).

Автор отрицательно относится к этой традиции, подчеркивает, что она с точки зрения цивилизаторских целей российской администрации

«имеет вредные влияния на нравы народа: большей частью Кабардинцы отдавали своих детей на воспитание в те горские племена, которые ... сохранили свою первобытную дикость и грубость ... и через это воспитание детей ... не способствовало, а замедляло ход к гражданственности. Если даже и потом приобретали они некоторые понятия, близкие к Европейским, или видели необходимость подчиниться Русскому правительству, то дети их получали воспитание в горах, являлись на родину свою, с совершенно новыми понятиями, напитанные духом хищничества и набегов» » (НИОР РГБ, 1830, л.13Об.).

В приведенном выше описании прослеживается один из распространенных общеевропейских приемов, присущих многим авторам колониальных нарративов. Когда европейский автор, описывая новое для него явление или социальную практику, достигал, по словам М. Пратт, пределов европейской парадигмы знаний и понятий – «границ собственной системы оценок», – то он стремился приписать непонятное ему явление состоянию «дикости», «необразованности», «отсутствию гражданственности», «лени» или другим «органически присущим туземцам порокам» (Pratt, 1992, p.45). Риторика Милютина пестрит подобными клише и негативными эпитетами по отношению к местным культурам. Их автор не изменил, даже при позднейшем редактировании своего текста, во время которого он в отдельных местах своего нарратива лишь немного повысил статус местных жителей, переведя их из «дикарей» в разряд «полу-дикарей» (НИОР РГБ, 1830, лл. 13-13 Об.).

В негативных оценках кавказских народов Д.А. Милютин был не одинок, отражая общий настрой имперских военных исследователей и администраторов своего времени. По справедливой оценке А. Т. Урушадзе, последние, проводя «ориентализацию» кавказских народов – причисляя их к числу «Восточных» со всеми негативными последствиями, – «синтезировали в этой номинации отсталость, дикость и варварство, что сопровождалось шлейфом негативных коннотаций» (Урушадзе, 2015, с. 121).

По верному наблюдению М. Пратт, использование негативных эпитетов и резкой риторики в колониальном нарративе говорит не о реальном состоянии местных жителей, а является «скорее свидетельством нежелания европейца

признавать, что что-то в стиле жизни и ценностях туземного общества остается за рамками его понимания» (Pratt, 1992, p. 45). В ярком виде этот теоретический вывод демонстрирует комментарий Милютин относительно двух других известных местных традиций – куначества и кровной мести.

«Кровомщение и куначество заключают ... вес закона, всех полицейских постановлений, и единственно удерживают этот хищный и дикий народ в некоторых границах, – без этого никогда ни один человек в Чечне не мог бы уснуть спокойно и не был бы ни на минуту вне опасности. Боязнь мщения, которого рано или поздно виновному не избежать и сохранявшееся уважение к правилам гостеприимства, удерживают еще иногда горца от злодеяний на которые готов бы он был каждую минуту (НИОР РГБ, 1830, л.38.).

Ориенталистские идеи «демонизации Востока», представления его опасным конкурентом европейским ценностям и социальным институтам нашли, таким образом, благоприятную почву при обращении к описаниям опасностей, исходящих от беспокойных жителей Российско-Кавказского фронта.

Радикальные суждения Милютин высказывает по отношению к военизированному быту чеченцев. С одной стороны, исследователь говорит об отсутствии точной информации о жителях предгорий и гор Чечни. «Мы имеем о самых близких племенах меньше показаний, чем о внутренности Африки» (НИОР РГБ, 1840, л. 18), – сокрушается он. Однако недостаток сведений не помешал представить характер беспокойных жителей региона в самых черных красках.

«Главные черты этого воинственного народа – суть коварство и вероломство, недоверчивость и вместе с тем легковерие, мстительность, корыстолюбие, склонность к праздности; ненависть ко всякой власти и зависимости; они любят одну свободу, своеволие; не уважают никаких гражданских и имущественных уз и никогда не обуздывают своих страстей» (НИОР РГБ, 1840, л.33), – пишет автор.

Автор не вдавался в анализ традиций, адатов и клановой организации социальной жизни местных жителей, для него исчерпывающей характеристикой типичного чеченца было указание что он

«...чрезвычайно неприхотлив; удивительно как малым довольствуется он во всех отношениях; – лишь бы было у него оружие и воля – вот все, чего он желает; все остальные удобства жизни, безопасность гражданская, счастье семейное, – или вовсе ему неизвестны или кажутся ему ребячьими игрушками, ибо по его мнению, оружием и удалством приобретает все остальное. Поэтому все его способности, действия, желания – все устремлено на один предмет – хищничество» (НИОР РГБ, 1840, лл. 33 Об. - 34).

Представляется, что ограниченность информации в области этнографии чеченцев, их реальном укладе политической и хозяйственной жизни заставляли военных исследователей делать обобщения о характере всего народа на примере только тех людей, с которыми они сталкивались во время отражения их набегов на Кавказскую линию.

«Все нравы в Чечне, образ жизни – все ... в такой форме, которая наиболее способствует жизни хищнической, согласуется с этой главной чертой характера Чеченцев, – пишет Милютин. – Станем ли рассматривать их в жизни домашней или в отношении к гражданскому устройству – во всем увидишь эту черту. ... Все зрелое мужское население Чечни или уже хищничает, или готовится к хищничеству, приготавливая лошадей, оружие, или предается сладкому кейфу, который дает время заметить и обдумать проект какого-нибудь нового набега и хищничества» (НИОР РГБ, 1840, л. 34),

– подводит итог автор.

В своей работе Милютин постарался уточнить численный состав чеченских племенных групп, представить некоторые этнографические зарисовки и хозяйственные сведения, однако все свои данные исследователь свел к общим размышлениям о методах покорения беспокойного народа. Так, даже информацию о способах строительства местными жителями своих жилищ (НИОР РГБ, 1840, лл. 27 - 27Об.), Милютин в конечном счете свел к практическим рекомендациям войскам по организации штурмов чеченских аулов.

«В своих аулах они редко держатся, потому как самая постройка их аулов неудобна для обороны. Они всегда стараются заранее очистить аул, вывести весь свой скот и имущество в леса и оставить в руках русских одни пустые стены. Но зато леса составляют лучший их оплот: тут они дерутся в рукопашную, скрытые от наших артиллерийских выстрелов» (НИОР РГБ, 1840, л. 41).

Милютин описывает вооружение чеченцев (НИОР РГБ, 1840, л. 39), тактику военных действий в Чечне как российских военных отрядов, так и местных жителей (НИОР РГБ, 1840, лл. 40 - 41Об.), анализирует политическое состояние отдельных чеченских общин и их лояльность к российским властям (НИОР РГБ, 1840, лл. 46Об - 48).

«Хотя надтеречные и сунженские чеченцы совершенно в наших руках, однако же и на них нельзя слишком полагаться; – не имея сами хищничеств, они покровительствуют хищничеству горцев, дают убежище абрекам и в постоянных сношениях и связях с Чеченскими мятежниками несмотря на то, что строго наказываются за всякий поступок, клонящийся ко вреду русским» (НИОР РГБ, 1840, лл. 45 Об - 46),

– подводит он общий итог своего исследования.

Заключение

Таким образом, анализ произведений Д. А. Милютина показывает особенности формирования российского фронтирного ориентализма в качестве одной из версий общеевропейского составления описаний народов, включавшихся в состав расширяющихся империй. Исходя из противопоставления Запада и Востока, общих идей о связи научного изучения Востока и организации управления им, концепции об органически присущей восточным обществам отсталости и стагнации, а также невозможности развития восточных сообществ без внешнего управления со стороны державы, более развитой

в экономическом, политическом, военном и культурном планах, российские исследователи разрабатывали собственную систему оценки этнических сообществ на Кавказском фронтире империи. В ней получили свое отражение не только вышеприведенные общеевропейские идеи, но также и оценки фронтальных явления: набеговой системы горцев, военизированного уклада жителей, а также размышления о способах их подчинения и контроля в условиях российско-горского противостояния. Следует согласиться с тезисом А. Т. Урушадзе, что многие кавказские народы воспринимались имперскими исследователями и администраторами, облеченными властью в регионе, в качестве «символического образа “другого”, на контрасте с которым империей выстраивалась и подчеркивалась собственная европейская идентичность» (Урушадзе, 2015, с. 122).

В целом, военные исследователи, организовывавшие изучение региона, исходя из ориенталистских представлений, внесли весомый вклад в то, чтобы легитимировать включение новых территорий в состав империи через их научное описание. Однако в силу своей сконцентрированности на европоцентристских постулатах данное направление общественной мысли было не в силах организовать дальнейшую успешную интеграцию жителей окраин в общероссийское культурное пространство, так как определяло их статус как «других», противопоставляя их самоидентификации титульной имперской нации (Gutmeyr, 2017, р. 10). В связи с этим выводы и оценки, сделанные Д. А. Милютиним из анализа богатого фактического материала, нуждаются в современных условиях в критическом переосмыслении.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, <https://rscf.ru/project/23-28-00302/>

The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-00302, <https://rscf.ru/project/23-28-00302/>

Список литературы

- Barrow, J. (1808). *Travels into the Interior of Southern Africa*. Strand publ.
- Deary, T. (2002). *The Barmy British Empire*. Scholastic.
- Gutmeyr, D. (2017). *Borderlands Orientalism or How the Savage Lost his Nobility. The Russian Perception of the Caucasus Between 1817 and 1878*. Lit Verlag.
- Jersild, A. (2002). *Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845-1917*. Ithaca. <https://doi.org/10.1515/9780773569966>

- Knight, N. (2000). Grigor'ev in Orenburg, 1851-1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? *Slavic Review*, 59(1), 74–100. <https://doi.org/10.2307/2696905>
- Laisram, P. P. (2006). *Viewing the Islamic Orient: British Travel Writers of the Nineteenth Century*. Routledge.
- Lubin, T. (2002). Orientalism. In *Encyclopaedia of Modern Asia* (Vol. 4, pp. 393–395). Charles Scribner's Sons.
- Nash, G. (2016). *From Empire to Orient: Travellers to the Middle East, 1830-1926*. Tauris Publ.
- Pratt, M. L. (1992). *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203163672>
- Tolz, V. (2005). Orientalism, Nationalism and Ethnic Diversity in Late Imperial Russia. *The Historical Journal*, 48(1), 127–150. <https://doi.org/10.1017/S0018246X04004248>
- Бобровников, О. В. (2011). Анализ восприятия Кавказа и кавказских горцев в среде российских литераторов, военных и ученых в XVIII – XX вв. *Tartaria Magna*, 1, 105–123.
- Бобровников, О. В. (2016). Ориентализм – не догма, а руководство к действию? О переводе и понимании книги Э. Саида в России. В *Ориентализм vs ориенталистика. Сборник статей* (с. 53–77). Садра.
- Вамбери, А. (1868). *Очерки Средней Азии*. Типогр. А.И. Мамонтова.
- Гмелин, С. Г. (1771). *Путешествие по России для исследования всех трех царств природы*. Императорская Академия Наук.
- Джераси, Р. (2013). *Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России*. Новое литературное обозрение.
- Колосовская, Т. А. (2017). Д.А. Милютин и его кавказские материалы: О первых попытках создания военно-политической истории Кавказа. *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*, 1, 9–19. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2017-1-9-19>
- Милютин, Д. А. (1846). *Курс военной географии и военной статистики, преподаваемый в императорской Военной Академии генерального штаба подполковником Милютиным. Кавказский край*. б. и.
- Милютин, Д. А. (1848). *Краткий очерк Кавказского края в военном отношении: Из лекции полк. Милютина в Имп. Воен. Акад.* б. и.
- Милютин, Д. А. (1919а). *Воспоминания генерал-фельдмаршала, графа Дмитрия Алексеевича Милютина*. Военная академия.
- Милютин, Д. А. (1919б). О набегах и хищничествах Кавказских горцев. В *Воспоминания генерал-фельдмаршала, графа Дмитрия Алексеевича Милютина* (Т. 1, сс. 287–297). Военная академия.
- Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). (1830). Ф.169. К.81. Д.5.
- Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). (1833). Ф.68. Оп.1. Д.49.
- Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). (1837). Ф.169. К.81. Д.12.

- Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). (1839). Ф.169. К.81. Д.3.
- Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). (1840). Ф.169. К.81. Д.7.
- Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). (1855b). Ф.169. К.81. Д.13.
- Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). (1855c). Ф.169. К.81. Д.14.
- Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). (1855a). Ф.169. К.81. Д.16.
- Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). (1855d). Ф.169. К.81. Д.19.
- Орбели, Р. Р. (1972). Кавказоведение. В *Азиатский музей – Ленинградское отделение института Востоковедения АН СССР*. Наука.
- Резван, М. Е. (2019). *Русский ориентализм (наука, искусство, коллекции)*. МАЭ РАН.
- Саид, Э. В. (2006). *Ориентализм*. Музей современного искусства «Гараж».
- Схиммельпэннинк ван дер Ойе, Д. (2019). *Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции*. Политическая энциклопедия.
- Урушадзе, А. Т. (2015). Свои или чужие? Грузия и грузины глазами российских офицеров и чиновников (Первая половина XIX в.). *Уральский исторический вестник*, 3, 116–122.

References

- Barrow, J. (1808). *Travels into the Interior of Southern Africa*. Strand publ.
- Bobrovnikov, O. V. (2011). Analiz vospriyatiya Kavkaza i kavkazskikh gorcev v srede rossiiskikh literatorov, voennykh i uchenykh v XVIII – XX vv. *Tartaria Magna*, 1, 105–123. (In Russian).
- Bobrovnikov, O. V. (2016). Orientalizm – ne dogma, a rukovodstvo k dejstviyu? O perevode i ponimanii knigi E. Saida v Rossii. In *Orientalizm vs orientalistika. Sbornik statei* (pp. 53–77). Sadra. (In Russian).
- Deary, T. (2002). *The Barmy British Empire*. Scholastic.
- Dzherasi, R. (2013). *Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii*. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Gmelin, S. G. (1771). *Puteshestvie po Rossii dlya issledovaniya vsekh trekh tsarstv prirody*. Imperatorskaya Akademiya Nauk. (In Russian).
- Gutmeyr, D. (2017). *Borderlands Orientalism or How the Savage Lost his Nobility. The Russian Perception of the Caucasus Between 1817 and 1878*. Lit Verlag.
- Jersild, A. (2002). *Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845-1917*. Ithaca. <https://doi.org/10.1515/9780773569966>
- Knight, N. (2000). Grigor'ev in Orenburg, 1851-1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? *Slavic Review*, 59(1), 74–100. <https://doi.org/10.2307/2696905>

- Kolosovskaya, T. A. (2017). D.A. Milyutin and his Caucasus Papers. On Early Attempts of Forming the Caucasus Military and Political History. *RSUH/RGGU Bulletin. Series History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, 1, 9–19. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2017-1-9-19> (In Russian).
- Laisram, P. P. (2006). *Viewing the Islamic Orient: British Travel Writers of the Nineteenth Century*. Routledge.
- Lubin, T. (2002). Orientalism. In *Encyclopaedia of Modern Asia* (Vol. 4, pp. 393–395). Charles Scribner's Sons.
- Milyutin, D. A. (1846). *Kurs voennoi geografii i voennoi statistiki, prepodavaemyi v imperatorskoi Voennoi Akademii general'nogo shtaba podpolkovnikom Milyutinym. Kavkazskii kray*. n. p. (In Russian).
- Milyutin, D. A. (1848). *Kratkii ocherk Kavkazskogo kraya v voennom otnoshenii. Iz lektsii polk. Milyutina v Imp. Voen. Akad.* n. p. (In Russian).
- Milyutin, D. A. (1919a). O nabeagakh i khishchnichestvakh Kavkazskikh gor'cev. In *Vospominaniya general-feldmarshala, gr. Dmitriya Alekseevicha Milyutina* (Vol. 1, pp. 287–297). *Voennaya akademiya*. (In Russian).
- Milyutin, D. A. (1919b). *Vospominaniya general-feldmarshala, gr. Dmitriya Alekseevicha Milyutina. Voennaya akademiya*. (In Russian).
- Nash, G. (2016). *From Empire to Orient: Travellers to the Middle East, 1830–1926*. Tauris Publ.
- Orbeli, R. R. (1972). Kavkazovedenie. In *Aziatskii muzey – Leningradskoe otdelenie instituta Vostokovedeniya AN SSSR*. Nauka. (In Russian).
- Pratt, M. L. (1992). *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203163672>
- Research Department of the Russian State Library (RD RSL). (1830). F.169. K.81. D.5. (In Russian).
- Research Department of the Russian State Library (RD RSL). (1833). F.68. In.1. D.49. (In Russian).
- Research Department of the Russian State Library (RD RSL). (1837). F.169. K.81. D.12. (In Russian).
- Research Department of the Russian State Library (RD RSL). (1839). F.169. K.81. D.3. (In Russian).
- Research Department of the Russian State Library (RD RSL). (1840). F.169. K.81. D.7. (In Russian).
- Research Department of the Russian State Library (RD RSL). (1855a). F.169. K.81. D.13. (In Russian).
- Research Department of the Russian State Library (RD RSL). (1855b). F.169. K.81. D.14. (In Russian).
- Research Department of the Russian State Library (RD RSL). (1855c). F.169. K.81. D.16. (In Russian).
- Research Department of the Russian State Library (RD RSL). (1855d). F.169. K.81. D.19. (In Russian).
- Rezvan, M. E. (2019). *Russkii orijentalizm (nauka, iskusstvo, kollektzii)*. MAE RAN. (In Russian).
- Said, E. V. (2006). *Orijentalizm. Muzey sovremennogo iskusstva «Garazh»*. (In Russian).
- Skhimmelpennink van der Oye, D. (2019). *Russkii orijentalizm. Aziya v rossiiskom soznanii ot epokhi Petra Velikogo do Beloi emigratsii*. *Politicheskaya entsiklopediya*. (In Russian).
- Tolz, V. (2005). Orientalism, Nationalism and Ethnic Diversity in Late Imperial Russia. *The Historical Journal*, 48(1), 127–150. <https://doi.org/10.1017/S0018246X04004248>

Urushadze, A. T. (2015). Svoi ili chuzhie? Gruzija i gruziny glazami rossiiskikh ofitserov i chinovnikov (Pervaya polovina XIX v.). *Ural'skii Istoricheskii Vestnik*, 3, 116–122. (In Russian).

Vamberi, A. (1868). *Ocherki Srednei Azii*. Tipogr. A.I. Mamontova. (In Russian).